

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Афина и Афины.

Памяти А. В. Никитского.

Все, кажется, согласны, что название города Ἀθήναι и имя богини Ἀθήνη, Ἀθηναίαι, Ἀθηναία, Ἀθηναῖα стоят в теснейшем звуковом соотношении¹. Но все еще не могут прийти к соглашению в решении вопроса о том, богиня ли дала название городу, или от города произошло имя богини. Вилламовиц-Мёллендорф (Aristoteles und Athen, Berlin 1893, 35 сл.) решительно высказывается за первое. Он рассуждает так: когда, после крушения монархического строя, возникла в Аттике суверенная община (δῆμος), в последнюю вошли княжества, существовавшие раньше в Аттике, в том числе и княжество, владевшее акрополем, причем оно утратило при этом даже свое имя; оно именуется с этих пор просто общиной; и город и акрополь называются теперь по имени «верховой небесной богини», которая вошла в «древний княжеский замок», как истинная преемница древних князей. Ἀθηναῖος образовано так же, как Ἐχαραῖος, Διονύσιος, и только привычка усматривать в Ἀθηναῖος обозначение места происхождения заставляет не обращать внимания на важное значение того факта, что «принадлежность к Афине» обозначает, вместе с тем, и происхождение из Афин. Названию гражданства соответствует и имя города, Ἀθήναι, образованное подобно Ἠραία, Ἀπλλωνία, с тем, однако, отличием, что для названия Афия взято имя богини во множ. числе; лишь с грамматической точки зрения Ἀθήναι образовано по аналогии с Θῆβαι, Πλαταιαί, ибо, наряду с последними формами имеются также формы ед. числа в местном значении, и местные шмфы, в сравнении с этими городами, имеют второстепенное значение

¹ Лишь Angermann, Jahrb. f. Philol., 1887, 6, полагал, что имена города и богини, хотя и произведены от одного и того же корня *adh*, но независимо друг от друга.

(secundär), в то время как 'Αθήναι образовано от 'Αθήνη, одного из великих эллинских божеств.

Иначе рассуждает Эд. Мейер (Gesch. d. Alt., II, 115): Афина получила свое имя от города, находившегося под ее покровительством; в пользу этого говорят такие соображения: 1) нет ни одного древне-греческого названия для обозначения местности (исключая, пожалуй, ἄρον), которое происходило бы от имени божества; 2) самое название 'Αθήναι, если бы его производить от имени божества и понимать в смысле «город Афины» (die Athena's), было бы неясно; 3) наоборот, такие формы имени Афина, как 'Αθηναία, 'Αθηναῖ, прекрасно объясняются, если производить их от 'Αθήναι

Эд. Мейеру возражал Кречмер (Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache, Göttingen 1896, 418 сл.): в греческом мире были названия местностей, образованные от имен божеств, например, 'Εστίαία, Δημήτριον, 'Αφροδισιάς; мн. ч. 'Αθήναι. Кречмер объясняет аналогией с 'Αλαλχομεναί, которое он склонен сопоставлять с прозвищем Афины 'Αλαλχομενης (II. IV, 8) и 'Αλαλχομενία (Steph. Byz. и др.), что для 'Αθήναι дает такую параллель: 'Αθήνη, 'Αθήνα: 'Αθήναι: 'Αθηναία, 'Αθηναῖ.

Возражал Эд. Мейеру и Ваксмут (Pauly-Wissowa, RE, I Suppl., 159), указывавший: 1) древнейшая форма имени Афины не 'Αθηναία, а 'Αθήνη; 2) культ Афины — исконное достояние всей эллинской нации, культ же Афины в Афинах не принадлежал к числу исконных; 3) Арриан (Peripl. Ponti Eux., 4,1) производит название местности на Евксинском Поице 'Αθήναι от находившегося там святилища Афины (стоило ли брать себе на подмогу Арриана?!); следовательно, 'Αθήναι получили свое название от Афины и значат «город Афины» ('Αθήνη).

Farnell (The cults of the greek states, I, Oxford 1896, 258) также стоит за то, что название 'Αθήναι произведено от 'Αθήνη; то, что у Гомера, наряду с краткою формою 'Αθήνη, встречается и растяженная 'Αθηναία — что значит «богиня Афин» — доказывает «большую древность и известность аттического культа».

Узенер (Götternamen, Bonn 1896, 231 сл.; ср. А. В. Никитский, Исследования в области греч. палисей, Юрьев 1901, 283) примыкает скорее к мнению Эд. Мейера. Он развивает свою мысль так: в древности, как и в новое время, выдающиеся личные божества (persönliche Götter) различались по наиболее известным местам их культа (напр. Пергамский Асклепий, Эпидаврский Асклепий и пр.). Ошибочно думать, будто все подобного рода обозначения места являются «производными, или второстепенными прозвищами»; на самом деле, зачастую имена божеств и обозначения местностей возникают на основе одного и того же представления. Почему никто

не догадался и Ἀθηνᾶ толковать просто, в смысле богини города Афин? Эта мысль напрашивается сама собою и избавляет от необходимости ломать голову о возникновении и значении имени божества: Ἀθηνᾶ, конечно, произошло из Ἀθηναία, и эту прилагательную форму следует производить скорее от Ἀθῆναι, нежели объяснять ее формально, как растяженне. К тому же имеется еще простая, более древняя форма Ἀθήνη; она-то, без какого-либо изменения, лишь путем применения множ. числа и послужила для названия города, посвященного богине, Ἀθῆναι, подобно тому, как Ἑστία обратилось в Ἑστίαи (около Византия, см. Polyb. IV, 43, 5), Ἀμύκλα — в Ἀμύκλαι, Θεράπνη — в Θεράπναι, Θήβη — в Θῆβαι, Μυκῆνη — в Μυκῆναι.

Последним (из доступной мне литературы) высказался по интересующему нас вопросу Петерсен (Die Burgtempel der Athenaia, Berlin 1907, 57 сл.). Петерсен исходит из ошибочного, на мой взгляд, мнения, будто богиня первоначального храма на акрополе называлась сначала не Афиною, но Паллросою; вслед за Впламовицем-Мёллендорфом, он утверждает, что древнейшим божеством в Афинах, в особенности на акрополе, был Посидон Ἐρεχθεΐ, Афина же, лишь с течением времени, получила там господство. «Нельзя поверить, замечает Петерсен, что город Афины только тогда получил это имя. А если ни город не мог получить своего имени от богини, ни богиня — от города, остается признать одно: ἀθήνη означало нечто такое, что подходит одинаково хорошо и к городу и к богине, например: «brennende» или «leuchtende». Так мог получиться город Ἀθήνη, или Ἀθῆναι, богиня которого была названа богиней Афин (von den Umwohnern wohl eher als von den Einwohnern), причем Паллада Афина гомеровских певцов не имела к ней никакого отношения».

Так пробовали решить вопрос о взаимоотношении Афины и Афин различные представители науки: и историки, и филологи, и археологи, и лингвисты. Что касается, в частности, последних, то для одних из них Афины — «Höhenstadt», для других — «Blumenstadt», для третьих — «Wasserstadt». Этимология же имени Ἀθήνη все еще остается неразгаданною¹.

При решении вопроса о взаимоотношении Афины и Афин ученые исходили и исходят, главным образом, из соображений общего характера, которыми можно всё доказать, с тем, чтобы ничего не доказать. В ниже-следующих замечаниях предлагается попытка подойти если не к решению, то к выяснению вопроса на основании данных, более или менее прочно установленных, касающихся древнейшей истории города Афин, в связи

¹ См. Prellwitz, *Etym. Wörterbuch d. gr. Spr.*², Göttingen 1905, 11. Preller-Robert, *Griech. Mythologie*, I⁴, 186, прим. 1. Dümmler у Pauly - Wissowa, RE, II, 2007 сл.

с древнейшею историею Аттики вообще. Данные эти всем хорошо известны и неоднократно обсуждались в прежней ученой литературе. Может быть они обсуждались и в новейшей (с 1914 г.) ученой литературе, от которой я, в числе прочих соратников по несчастью, отрезан. Не желая увеличивать размера своей работы, я сознательно воздерживаюсь от каких бы то ни было экскурсов критического характера, что заняло бы много места, и, в конце-концов, ни к чему положительному не привело бы. Из источников я привожу и разбираю только наиболее важные, отсылая за необходимыми справками, помимо специальных трудов по истории города Афин Ваксмута и Э. Курциуса, к подробному перечислению источников у Бузольта¹. Конечно, при обсуждении вопроса о взаимоотношениях Афины и Афин не обойтись и мне без соображений общего характера. Но мне хотелось бы не из них исходить в моем построении, а ими подкреплять данные, доставляемые традицией².

Традиция эта, конечно, подернута большим туманом. Однако, и в нем можно указать на некоторые огорьки, не относящиеся к числу блуждающих. Прежде всего, археологическими разысканиями установлена принадлежность первобытного населения Аттики и Афин к области распространения Микенской культуры. Остатки погребальных сооружений, типичные для нее, открыты в различных пунктах Аттики; это доказывает, что она уже в первобытное время была обитаема. С другой стороны, точно определить состав этого первобытного населения не представляется возможным, а всякого рода гадания на этот счет, высказываемые, например, Фиком³, на основании лингвистических соображений, представляются, в конечном результате, беспочвенными. Что касается, в частности, самих Афин, то археологическими же исследованиями установлен не подлежащий сомнению факт того исключительного значения, какое занимал в них акрополь уже в первобытную эпоху: там открыты следы существовавшего некогда дворца «микенского» типа, а также остатки сооружений, предназначенных вообще для жилья. Оказалось, что первоначальное население Афин занимало акрополь и часть его южного и западного склонов.

Этот факт, установленный археологическими данными, нашел себе блестящее подтверждение в кратких, но точных и определенных сведениях, сообщенных Фукидидом, сведениях, которые на мой взгляд, являются,

¹ Griechische Geschichte, II², Gotha 1895.

² Сжатое, но толковое изложение дает Judeich, Topographie von Athen, München 1905, 48 сл. и в статье Attika у Pauly - Wissowa, RE, II. 2207 сл.

³ Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands, Göttingen 1905.

самым ценным из из всего того, что древние сохранили о первоначальной истории Атики и Афины. Стоит ли гадать о том, откуда Фукидид почерпнул свои сведения? Гораздо существеннее отметить, что сущность их не может возбуждать никаких сомнений в их достоверности, несмотря, быть может, и на некоторую неточность в передаче деталей.

Сведения эти содержатся в 15-й главе II-й книги. Сообщить их понадобилось Фукидиду для доказательства того, что жителям Атики, в начале Пелопоннесской войны, «тяжело было сниматься с мест», и, по плану Перикла, переселяться в Афины, тяжело «потому, что большинство их привыкло постоянно жить на своих полях». «Такой образ жизни, с очень древнего времени, афиняне вели в большей степени, чем другие (эллыны). Дело в том, что при Кекроне и первых царях, до Фесей, население Атики обитало постоянно по (отдельным) общинам (πόλεις), имевшим (свои) пританен и правителей, и, когда ничто не вселяло страха, (отдельные общины) не сходились на совещания к царю, но управлялись (ἐπολιτεύοντο) и совещались отдельно сами по себе. Некоторые (общины) иногда даже воевали с ним (т. е. с царем)¹, как, напр., Элевсин с Евмолпом (во главе) против Эрефея. Когда же Фесей стал царем, он упорядочил страну вообще и, упразднив советы и должностных лиц прочих общин, объединил путем синаклизма, всех в теперь существующий город, учредив один совет и пританен; жителей отдельных общин, обрабатывавших свои земли как и прежде, Фесей принудил пользоваться одним этим городом, который вследствие того, что все уже (с тех пор) принадлежали к нему, стал большим и таковым был передан Фесеем его потомкам. С тех пор и по сие еще время, афиняне совершают в честь богини праздник на общественный счет, Синаклиз. До этого городом служил теперешний акрополь и преимущественно к югу обращенная часть его склона². Это доказывается тем, что на самом акрополе находятся святилища и других божеств, и святилища вне его сооружены, большею частью, по направлению к этой части города, святилища Зевса Олимпийского, Пифий, святилища Геп и святилища Диониса в Лимнах...³. И другие

¹ Вместо рукописного αὐτῶν следую поправке Steup'a — αὐτῶ. См. Thukydides erklärt von Classen - Steup, II-в Buch, 5-е Aufl., Berlin 1914.

² Переведено согласно чтению рукописей: τὸ δὲ πρὸ τούτου ἡ ἀκρόπολις ἢ νῦν οὖσα πόλις ἦν καὶ τὸ ὑπ' αὐτῆν πρὸς νότον μάλιστα τετραμμένον. Под «частью обращенной к югу», нужно разуметь также и часть зап. склона акрополя, потому что с запада вел естественный доступ на него. И Фукидид прибавляя μάλιστα, как бы хочет подчеркнуть, что к городу, помимо акрополя, принадлежал, прежде всего, его южный склон, но что это не исключает возможности отнести к составу города и другие пункты под акрополем.

³ Святилища Зевса Олимпийского к юго-востоку от акрополя; Пифий — к югу от нег; святилища Геп — или близки святилища Зевса, или даже в ее черте; святилища Диониса в Лимнах — к западу от акрополя.

древние святыни сооружены (также) здесь. Здесь же находится и источник, называемый теперь... Энеакрунами...¹. Вследствие древнего заселения в этом именно месте и до сих пор еще акрополь называется афинянами «городом». Итак, афиняне, в течение долгого времени обитали, пользуясь автономией, по территории (Аттики), и после объединения их путем сюзкизма, в силу привычки, большая часть их, и в древнее, и в последующее время, до настоящей войны, жила со всеми их семьями на полях».

Прежде чем делать какие-либо выводы из приведенного свидетельства Фукидида, необходимо остановиться на одной фразе его, причинившей много беспокойства издателям и толкователям Фукидида. Это слова: τὰ γὰρ ἱερά ἐν αὐτῇ τῇ ἀκρόπολει καὶ ἄλλων θεῶν ἔστι. По почти общепринятому мнению, в этой фразе пропуск, восполнить который предлагали на разные лады, но так, однако, чтобы вставить пред словами καὶ ἄλλων θεῶν непременно и упоминание об Афине². Издателям и толкователям Фукидида казалось недопустимым, чтобы, в перечислении акропольских святынь, не было упоминания о главной богине афинской — Афине. По мнению Юдейха, однако, текст Фукидида в данном месте «совершенно в порядке». «Не тем, говорит Юдейх, что главная богиня города, его богиня (*die Göttin*) имела свой храм на акрополе, но именно тем, что «и другие божества» (Зевс Полней, Посидон Эрефей и др.) имели там государственный культ, доказывалось, что акрополь составлял основную часть древнейшего города. К чему должно относиться καὶ в словах καὶ ἄλλων θεῶν, определению (*unzweideutig*) указывается одною из предшествующих фраз: καὶ ἱεροσεία καὶ νῦν τῇ θεῷ δημοτελεῖται ποιῶσι.

Удалось ли Юдейху отстоять рукописную традицию Фукидида в указанном месте, сказать не берусь³. Если Фукидид, действительно построил

¹ Канал источника, как установлено раскопками, проходил вдоль всего южного склона акрополя.

² Список предложенных дополнений приведен Judeich'ом, *Topographie*, 52, и мною в переводе Фукидида (М. 1915), I, 387.

³ Steup в последней обработке Классенова издания II-й книги Фукидида (вышло в 1914 г.) замечает: «Dass der gewöhnliche Text dieser Stelle lückenhaft ist, hat vielleicht schon der Urheber der Lesart der schlechten Baseler Ms τῆς τε Ἀθηνᾶς καὶ ἄλλων θεῶν gefühlt... In der Tat können, wenn hier, wie es unzweifelhaft der Fall ist, mit dem Vorhandensein von Heiligtümern auf dem Akropolis für die Richtigkeit des vorher von der Akropolis Behaupteten etwas bewiesen werden soll, die auf der Akropolis vorhandenen Heiligtümer der Hauptgöttheit nicht unerwähnt bleiben. Denn, berechnete nach Th. Meinung die Lage irgend welcher Heiligtümer zu schlüssen hinsichtlich der ältesten Teile Athens, so musste dies vor allem für die Lage der Heiligtümer der Hauptgöttheit zu treffen und ohne das Hinzuziehen der Atheneheiligtümer war mit den übrigen Heiligtümern der Akropolis wenig zu beweisen. Wie Th. ebensowohl statt die Heiligtümer der Athene ausdrücklich zu erwähnen nur indirekt auf sie hätte hindeuten können (durch καὶ ἄλλων θεῶν) wäre schlechterdings nicht zu verstehen». Steup предлагает восполнить лакуну после ἀκρόπολει или словами καὶ Ἀθηνᾶς τὰ ἀρχαῖα, или καὶ Ἀθηνᾶς τὰ ἀρχαῖα καὶ πολλῶν ἄλλων.

свою фразу так, как она дошла в рукописном предании, и если, действительно, упоминание о святыне Афины должно быть выводимо из отделенных почти тремя строками слов *ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἐορτὴν δημοτελεῖ ποιοῦσιν*, то, должно признать, фраза вряд ли может быть признана построенной удачно и, во всяком случае, удобопонятно. С другой стороны, если считать фразу испорченной, то где гарантия в том, что порчу нужно исправлять в том направлении, в каком это предлагалось делать издателями и толкователями Фукидида, т. е. непременно стараться вставить упоминание и об Афине? Может быть, порча текста, если она есть, здесь более сложная и лечить ее нужно как-нибудь иначе. На это я не рискую дать ответа; замечу только, что, если требовать от Фукидида непременно и упоминания о святыне (да еще древней) Афины, то почему не требовать от него и более точного обозначения, каких же именно других божеств святыни он подразумевает в данном случае. Принимая во внимание дошедшую до нас рукописную традицию обсуждаемых слов и не имея уверенности в том, что мы в состоянии установить правильный и надежный текст, я считаю единственно правильным лучше не делать каких-либо выводов из фразы: *τὰ γὰρ ἱερά ἐν αὐτῇ τῇ ἀκροπόλει καὶ ἄλλων θεῶν ἔστι*, нежели навязывать ей то или иное толкование. Из контекста ясно, во всяком случае, следует, что Фукидид, в числе приводимых им в пользу искомого заселения акрополя доказательств, ссылается и на нахождение на нем святынь, очевидно, древнейших; но упомянул ли он и святыню Афины, мы оставляем под вопросом, а от гаданий воздерживаемся.

Зато заслуживает внимания следующее: говоря о празднестве Синеэкий Фукидид указывает, что афиняне и в его еще время справляли этот праздник в честь богини (τῇ θεῷ). Вполне естественно, что Фукидид (а за ним и все его толкователи) под этою безыменной богиней разумеют Афины¹. Хорошо известно, что в афинских официальных документах V века, а спорадически и в последующее время, Афина очень часто называется просто ἡ θεός; ее казначей обозначаются, наряду с *ταμίαι ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηναίας*, просто *ταμίαι τῶν τῆς θεοῦ*, или *ταμίαι τῆς θεοῦ*, подобно тому, как акрополь, на что также указывает Фукидид, называется в надписях просто городом — πόλις².

¹ Равным образом в II, 13, 5, приводя содержание речи Перикла, Фукидид упоминает о «золотом облачении самой богини», разумел под последнею Афины. Точно также в I, 126, 2, говоря о лакедемонском посольстве в Афины пред Пелопоннесскою войной, Фукидид замечает: «прежде всего лакедемоняне потребовали от афинян изгнания виновников в кощунстве против богини», т. е. Афины.

² Факт общезвестный, не требующий подтверждения его ссылками. Достаточно количество примеров, при желании, можно подыскать, хотя бы, по указателям, к сборнику Диттенберга, III, 179 (πόλις), 197 (ἡ θεός), 222 (ταμίαι).

То обстоятельство, что в историческое время центр Афин, как города, и богиня-покровительница его продолжают именоваться просто «городом» и «богиней», заслуживает, в моих глазах, внимания и должно быть объяснено как своего рода пережиток седой старины. Очевидно, в первоначальную пору существования Афин последние назывались просто «городом», причем, быть может, собственного имени «город» этот и не имел, да и не должен бы иметь, так как других городов, как политических центров, в Аттике не было; существовал один город, с центром на акрополе, который, таким образом, в народном сознании, и противопоставлялся всем остальным селениям, точнее заселенным пунктам, Аттики¹. Связанный с племенем Фесея синэкизм исходил, несомненно, от акрополя = города; обладавший им был сильнее всех других лиц, стоявших во главе отдельных селений Аттики, которая, в течение, вероятно, долгого времени представляла собою нечто в роде союзного государства, слабо, однако, связанного в отдельных его частях. И мы ничего не слышим о том, что мелкие властители Аттики стремились к созданию единого государства, пока не нашелся среди них тот, кого предание назвало Фесеем, который и осуществил синэкизм эволюционным, а не революционным путем. Синэкизм в Аттике носил, прежде всего, как это ясно видно из Фукидида, государственно-правовой характер. После того, как синэкизм осуществился, перестали существовать, в политическом сознании древних, отдельные, более или менее самостоятельные сельские общины, но образовалась одна большая государственная община, с акрополем = городом во главе ее².

Мы не можем установить ни числа, ни имен отдельных селений, на которые распадалась Аттика до синэкизма. Поздняя традиция, ведущая свое начало от Филохора, передает имена аттического двенадцатиградия в таком порядке: Κεκροπία, Τετράπολις (состоял из Μαραθών, Προβάτινος, Οινόη, Τριχόρουθος), Ἐπαχρία, Δελέλεια, Ἐλευσίς, Ἄφιδνα (или Ἄφιδναί), Θόρικος, Βραυρών, Κύθηρος, Σφηττός, Κηφισία³. Историческое зерно, которое может быть извлечено отсюда, заключается в том, что этими названиями обозначаются древнейшие селения Аттики. Невольно обращает на себя внимание, что, в числе этих названий, ни Ἀθήνη, ни Ἀθήναι не значится. Более, чем вероятно, однако, что та территория с акрополем = городом во главе, которая

¹ У нас и теперь еще, в обыденном языке, наблюдается то же явление: пригородные крестьяне обыкновенно говорят: поеду в город (не называя его по имени). Да и мы в доброе старое время «ездили с дачи в город».

² По общепринятому мнению, Элевсин только в VII в. вошел в общегреческое государство. Юдейх полагает, однако, что это мнение вовсе не обязательно и, во всяком случае, может быть оспариваемо, см. Pauly-Wissowa, RE, VII, 2217 сл.

³ Strab. IX, 397 C; 12-е имя в рукописях (трабона пропало; восстанавливают одни Φαλαγγός, другие — Μοονίχη).

потом получила имя Афин, скрывается в первом из названных Филохором имен двенадцатиградия, в Кекропии¹.

Как бы то ни было, в поздней традиции (у Филохора) имени Афин нет. По преданию, сохраненному Плутархом (Фесей, 24), Фесей «назвал город Афинами». Нечего и говорить, это — поздний домысел. Гораздо важнее, однако, то, что имя Афин фигурирует уже у Гомера. Как бы ни относиться к вопросу о древности стихов, где имя Афин упоминается, что бы ни думать о Писпсатраговской редакции Гомеровских поэм, в которые могли попасть аттические интерполяции, тот факт, что Афины упоминаются уже у Гомера, заслуживает серьезного внимания. Что же говорят нам те гомеровские места, где Афины упоминаются? Из таких упоминаний Одиссея как то, что «священный Суний» — «мыс Афин» (III, 278), или что Орест вернулся в Микены из Афин (III, 307; Зенодот предлагал читать вместо ἀπὸ Ἀθηνῶν — ἀπὸ Φωκείων), или что Фесей привез Ариадну «на холм священных Афин» (XI, 323), никаких выводов делать не приходится. Более показательно место в VII, 80 Одиссея, где сказано, что Афина пришла из Схерии ἐς Μαραθῶνα καὶ εὐρυαγυίαν Ἀθήνην (Herod. v. Hom. 28 дает εὐρυχέρους ἐς Ἀθήνας), δὲν δ' Ἐρεχθίδος πυκινὸν δέμον. Оставим, пока, в стороне то, что Афины названы здесь Ἀθήνη, а не Ἀθήναι: в Илиаде и в Одиссее употребляется форма Μυκῆνη наряду с Μυκῆναι, Φηρή наряду с Φηραί (см. Ebeling, Lex. Homer.). Интереснее отметить, что Афина, прибыв в Афины, входит не в свой «дом», а в «прочный дом» Эрехфея. Под этим «прочным домом» Эрехфея приходится разумеать или его дворец, или его святилище; но, конечно,

¹ Предание, сообщаемое Филохором, приписывает Кекропу объединение (συνοικήσια) всей массы населения Аттики в 12 городов. Поэтому обыкновенно под Кекропией понимается вся Аттика (Marq. Par. 1 Jacoby. Steph. Byz. Κεκροπίαι). Однако, уже у Геродота (VII, 141), в приводимом им изречении оракула, акрополь называется «город Кекропа» (Κέκροπος οὖρος), а Еврипид (Suppl. 658. El. 1289) называет акрополь «Кекропией». Что двенадцатиградие представляло собою древнейшие селения Аттики, следует, может быть, и из того, что большинство из названий их, в том же самом виде, встречается в числе Клизмеевых демонов. Отсутствуют лишь три селения: Κεκροπίαι, Ἐπιχρίαι, Βραυρών. Относительно Браврона см. известия древних, составленные Мильхгёфером у Pauly - Wissowa, R. E., III, 822 сл. У восточного склона Бравронского холма открыты остатки могил микенского типа. В древнейшие времена политической самостоятельности отдельных частей Аттики область, занимаемая Бравроном, была очень обширною (недаром в схолиях к «Миру» Аристофана, 874, он называется πόλις). Против остатков политического перевеса Браврона, замечает Мильхгёфер, направлена была и та мера Клизмея, что он не перенес древнего названия на какой-либо из созданных им демонов, но назвал главные пункты территории Браврона по имени рода Филаидов, а остальные части ее распределил по другим демам той же филы Эгенды, а может быть и Пандиониды. То же приходится думать и об Эпакрии. Мильхгёфер (Pauly-Wissowa, RE, V, 2673) обращает внимание на свидетельство, сохраненное в «Большом Этимологике» (ἐπαχρίαι χώρα, то же у Сидды), что Кекроп три города из организованного им додекаполя назвал ἐπαχρίδας (по Мильхгёферу: Эпакрия. Афида и Марафонский) тетраполь. Упоминается в IG II 1053 τριττὸς Ἐπαχρίων.

и дворец п святилище Эрехфея надо представлять себе на акрополе. У Гомера (см. Ebeling, Lex. Homer.) термин *δομος* употребляется promiscue — в приложении и к обиталищу богов и к жилищу людей, но в соединении с прилагательным *πικνός* *δομος* по отношению к святилищу не встречается. Таким образом, в указанном месте Одиссеи под «прочным домом» Эрехфея приходится разуместь его дворец, что ничего необычного не представляло бы, принимая во внимание находжение на акрополе «микенского дворца». Так и понимают *πικνός* *δομος* Эрехфея в Одиссее почти все ученые, за исключением Петерсена¹, доводы которого, однако, для меня не убедительны. Но если он даже под «домом» Эрехфея понимает его храм, все же из этого следовало бы сделать такой вывод: в пору создания VIII песни Одиссеи культ Афины на акрополе не существовало, ибо, в противном случае, Афина пошла бы в свой «дом», а не в дом Эрехфея.

В известных стихах в «Каталоге кораблей» Иллиады (II, 546-551), посвященных Афинам, сказано: «А тех, которые населяли Афины, хорошо укрепленный город, область великодушного Эрехфея — его некогда вскормила Афина, дочь Зевса, родила же плодородная пашня, и в Афины вселила в свой богатый храм, где его быками и баранами умилостивляют чада афинские» и пр. Эти стихи, конечно, к первоначальному составу Иллиады не принадлежат. В них, не без основания, усматривают результаты Писистратовской редакции. Так ли это, или нет, не будем доискиваться. Если признать Писистратовскую редакцию этих стихов, то в них все же важно подчеркнуть, что Афины называются областью (*δημος*) Эрехфея. Хорошо известно, какое значение традиция приписывает Эрехфею в «мифической» истории Аттики². Как обладатель «прочного дома» на акрополе, Эрехфей рано уже стал рассматриваться как местный царь-владыка Афин; по свидетельству Геродота (VIII, 99), в правление Эрехфея, афиняне впервые получили имя *Ἀθηναῖσι*. Потом, причисленный к сонму героев, Эрехфей, геней древнего царского рода, «продолжает жить, как змей при Афине, на акрополе»³. Еще позже образ Эрехфея сливается с образом Посидона. Гомеровские свидетельства, к какому бы времени каждое из них ни относилось, говорят за то, что культ Эрехфея на акрополе существовал ранее, чем туда пришел себе доступ культ Афины.

Узенер⁴ толкует имя Эрехфея, как «der Schollen-«brecher», ein griechischer Veruactor». Эрехфей — *γηγενής*, земля произвела его. Он не умер,

¹ Die Burgtempel der Athenaia, 7 сл.

² Материал сопоставлен Escher'ом у Pauly-Wissowa, RE, VI, 404 сл.

³ Ср. Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles u. Athen, II, 129.

⁴ Götternamen, 140.

но, по преданию, сообщаемому Еврипидом (Ion, 292), «бездна земельная скрывает его», т. е. он продолжает жить, скрывшись в недра земли. По другому, быть может, еще более древнему представлению, Эрехфей превращается в змея (Eurip. fragm. 922: οἴμοι, δράκων μου γίγνεται τὸ ἦμισθὸ τέκνον, περιπλέκῃ τῷ λοιπῷ πατρὶ). Таким образом, местное божество, которое, как предполагалось, искони обитало в расщелине акропольской скалы, превращается в червя, вечно обитающего на акрополе¹. «Вера в героев, развившаяся в более позднюю эпоху, искала на том месте где протекала последующая жизнь и деятельность „героя“, его могилу: путем правильной эволюции скрытый при жизни и увековеченный герой Эрехфей обращается в героя погребенного». Но такое развитие легенды об Эрехфее принадлежит уже последующему времени: в первоначальную же эпоху истории Афин Эрехфей, очевидно, пошмается как местное божество, обитающее на акрополе². Какое имя это божество носило, да и носило ли вообще какое-либо имя, мы не знаем. В последующем развитии легенды это акропольское божество мужского пола (ἰ θεός) сливается с образом мифического царя Эрехфея, который становится, затем, местным героем. Еще позже, и, конечно, значительно позже, образ Эрехфея сливается с образом Посидона³.

Мы привыкли думать, что Афина — исконная богиня-покровительница Афин, исконная владычица акрополя. Это представление навеяно легендой в ее уже сравнительно позднем развитии⁴. Мы не знаем, когда Афина пошла

¹ E. Rohde, *Psyche*, Tübingen 1907, 136.

² Milchhöfer, *Ueber die alten Burgheiligtümer in Athen*, Kiel 1899, 8, правильно замечает: Erichtheus gehörte überwiegend der Staatsreligion und ihrem offiziellen Kultus, die Märchenfigur des Kekrops mehr einem engeren, volkstümlichen Glaubensgebieten. Не исключена возможность, в виду последующего развития легенды об Эрехфее, что первоначальное божество почиталось в виде змея, если принять во внимание, какое значение имела змея в религиях всех времен и всех народов. См. Е. Т. Кагаровъ, *Культ Фетишей, растений и животных в древней Греции*, Спб. 1913, 286 сл.

³ Вопрос о соотношении между Эрехфеем и Посидоном я не касалось. Escher, ук. м. 408, замечает, что с Посидоном у Эрехфея нет «никакого внутреннего родства», что слияние обоих образов было вызвано внешними обстоятельствами; „вероятно, война Афин с Элевсином и последовавшее в результате ее вхождение Элевфина в состав Афин ввело и Элевсинского Посидона во дворец владыки афинского акрополя“. О необходимости различать Эрехфея и Эрихфония, также сливающихся в более позднем развитии легенды, хорошо говорит Usener, *Götternamen*, 140 сл («es ist zu beachten, dass nur Erichtheus dem Cultus, Erichthonios der Legende angehört, und dass nicht Erichthonios, sondern Erichtheus zu Poseidon wurde»).

⁴ Ср. Wilamowitz-Möllendorff, *Arostoteles und Athen*, II, 37: «все они (древние) думали, что Афина — богиня этого (афинского) народа и что этот народ — ее избранный народ, что еще не ограничивает, так сказать, универсальной потенции небесной девственницы и дочери Зевса. Этой высшей объединяющей вере, этой религии Афины подчинилось обособленное почитание как отдельных местных божеств, так еще и столь значительных «остальных божеств», даже Немесиды Рамнунтской, Афины Палленской, Артемиды Брауронской. Если Афина искони была городкою богиней (Stadtgöttin), акрополя над Эриданом, то местный культ одержал

на акрополь, с каких пор она стала настоящею его госпожою. Но из приведенного гомеровского места мы в праве заключать, что, во всяком случае, культ Эреxfея предшествовал культу Афины на акрополе, а из свидетельства Фукидида и документальных данных мы с таким же правом можем предполагать, что на территории Афин, включая в нее и акрополь, почиталось божество жепского пола (ἡ θεός), слившееся затем с Афиною. Некоторые соображения подтверждают, кажется, ту мысль, что Афина пришла себе доступ на акрополь не так уже рано, и во всяком случае, что культ ее там не был исконным.

При раскопках, произведенных в восьмидесятых годах прошлого века на акрополе, в северной его части открыты были остатки храма, «древнего храма», или древнего Гекатомпеда. В этом храме, замечает Юдейх¹, почиталась богиня города, т. е. Афина, и постепенно слившийся с Посидоном мифический царь Эреxfей. До V века этот храм оставался единственным храмом Афины на акрополе. На том месте, где построен был впоследствии Эреxfейон, не было ранее никакой часовни (Kapelle), но, вероятно, весь древний дворцовый округ был посвящен Афине и Эреxfею и в распространительном толковании носил имя Гекатомпед. Наряду с Афиною и Эреxfеем нашл свой культ в черте древнего дворца другие мифические сочлены афинского царского дома, Кекрон, его дочь Палдроса и, может быть, также Палдион.

Так ли все это было в действительности? В частности имела ли свой культ в древнем храме на акрополе Афина, до перестройки его Писистратом? Первоначальное сооружение храма Юдейх склонен относить даже к VII в.: другие датируют храм, на основании стилия украшавших его декоративных скульптур, началом VI в., что, пожалуй, правильнее.

триумф под всеми остальными; она живет там, в древнем царском дворце, до тех пор, пока, Писистрат не строит ей ее собственного дома; она должна была выдержать спор из-за страны, ть ее отечество принадлежит тому роду, который в первую голову служит господину Эреxfею ее противнику. Все это, а главным образом то, что легенда преднамеренно старается обособить ее господство, ведет к тому положению, что Афина, действительно, первая получила обладание над акрополем, как владелица страны, как представительница всего государства (Gesamtstaates), как носительница нового представления (Empfindung), пред которым должен был слушаться древний местный культ на акрополе и его древнее имя». Афина, развивает свою мысль Вилламовиц-Меллендорф в примечании к приведенной цитате, несомненно, получила свой культ на акрополе и в Аттике, как богиня страны (Landesgöttin). Афина родилась не в Афинах, подобно тому, как Аполлон родился на Делосе, Артемида в Эфесе, Гермес в Танагре. Афина могла притязать на Афины с того момента, как она стала богинею страны, как она подарила маслину. Это имело место задолго до исторических времен, но прил ли на много задолго, чем произошло объединение страны.» «Что древний акрополь не с самого начала назывался Ἀθήναι, это ясно со всею очевидностью».

¹ Topographie, 238.

О древнем храме, точнее «святыне» (ἱερόν), на акрополе упоминает Геродот в рассказе о событиях, предшествовавших Саламинской битве. Он (VIII, 41) сообщает предание, слышанное им в Афинах (λέγουσι Ἀθηναῖοι), что в храме (ἐν τῷ ἱερῷ) обитает огромный змей, страж акрополя; этому змею, каждое поволуние, приносят жертву — медовую лепешку. Этот змей, страж акрополя, вызывает, конечно, представление об Эрехфее, а не об Афине¹. Эту же древнюю святыню на акрополе имеет в виду Фукидид, в рассказе о Килоновой смуте, когда упоминает о том, что Килоновцы сели у алтаря на акрополе, как умоляющие о защите (I, 126, 10. 11)².

Фронтоны древнего акропольского храма были украшены скульптурными изваяниями. Они обстоятельно рассмотрены были, в свое время, в русской ученой литературе, сначала А. А. Павловским³, затем В. К. Мальмбергом⁴, которому в «Дополнениях» удалось использовать и материал, сопоставленный в монументальном издании Виганда об остатках поросовой архитектуры, найденных на акрополе. Нас интересуют в данном случае только сюжеты фронтонов. На одном из них была изображена борьба Геракла с Триптоном и Тифоном. Сюжет другого фронтона не поддается определению, так как центральная часть его не сохранилась. В изображенных на крыльях фронтона двух змеях Виганд⁵ усматривает двух «драконов», охраняющих по версии, передаваемой Еврипидом (Ion, 23), вручен был новорожденный Эрехфей (читай: Эрехфоний, ибо о нем, а не об Эрехфее, идет речь в указанном месте Еврипида). Может быть, однако, в двух змеях в крыльях фронтонов нужно скорее усматривать двух автохтонных царей афинских, Эрехфея и Кекрона, в народном сознании уже огероизованных ко времени создания храма. Так ли это, или нет, для нас важно констатировать, что древний храм на акрополе, повидимому, или вовсе не был посвящен Афине, или, если и был посвящен ей, то она не играла в нем доминирующей роли, а разделяла ее с Эрехфеем. Иначе, во всяком случае, нельзя подкрепить, кроме общих соображений, того укоренившегося мнения, будто древний храм на акрополе (до-писистратовской эпохи) был храмом именно Афины. Равным образом, и другое сооружение архаической эпохи на акро-

¹ Последующие сообщения Геродота (VIII, 51, 53, 54, 55) имеют в виду, конечно, храм, перестроенный Писистратом.

² Комментаторы понимают в данном месте алтарь Афины Полиады, но у Фукидида сказано просто: ἐπὶ τὸν βωμὸν τὸν ἐν ἀκροπόλει. И Геродот (V, 71, 1) говорит о Килоне, что он ἰκέτης, ἕξτε πρὸς τὸ ἄγαλμα, без дальнейшего определения. У Плутарха (Солон, 12), сказано, что часть Килоновцев были убиты τοῖς βωμοῖς προσφύγοντες.

³ Скульптура в Аттике до Греко-Персидских войн, Спб. 1896.

⁴ Древне-греческие фронтоновые композиции, Спб. 1904.

⁵ Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen, Cassel 1904, 95.

поле, от которого сохранились остатки только фронтонов, приблизительно той же эпохи, что и остатки фронтонов большого храма, мы не можем считать посвященным Афине. Сюжеты его фронтонов опять-таки непосредственного отношения к Афине не имеют¹.

Во второй половине VI века² древний храм, как показали акропольские раскопки, подвергся перестройке, заключавшейся в том, что он был снабжен перистилем и мраморной крышей и украшен новыми фронтонами из мрамора. Центральную сцену одного из фронтонов удалось восстановить полностью. Там представлена была Афина, поражающая гиганта. Таким образом, сюжет фронтона был посвящен гигантомахии. В ней Афине отведена была первенствующая роль. И никакого места для сомнения не остается, что перестроенный, так называемый Писистратовский храм был посвящен Афине. Известно, что он просуществовал недолго: уже в 480 г. он пал жертвою персидского погрома. После того перистиль был убран, и восстановлен старый Гекатомпед. В конце V в. он был заменен Эрехфейоном, который, в противоположность Парфенону, посвященному одной Афине, был посвящен совместному культу Афины и Посидона-Эрехфея.

Итак, несомненно, во второй половине VI в. Афина имела свой храм на акрополе; следовательно, культ ее там вполне уже утвердился, не вытеснив, однако, культов, существовавших там уже ранее, с исконных времен, в том числе и культа Эрехфея. Невольно вспоминается известный рассказ Геродота (I, 60), передающий народную версию предания о возвращении Писистрата после его первого изгнания из Афин, всю эту историю с устроенным Писистратом маскарадом, как посланы были предварительно вестники, говорившие толпе: «Афиняне, благосклонно примите Писистрата, сама Афина, почтив его более всех людей, возвращает в свой акрополь» (ες τὴν ἑωυτοῦ ἀκρόπολιν). И народ поверил, что сама Афина возвращает Писистрата. К чему понадобился Писистрату весь придуманный маскарад, который должен был произвести впечатление, прежде всего, на народную массу? Да, очевидно, потому, что в этой массе в то время Афина пользовалась особым почетом, была богиней именно этой народной массы, жившей, конечно,

¹ Один из фронтонов изображал борьбу Геракла с Гидрою, причем для помещения фигуры Афины там места не оказывается (см. Павловский, ук. соч. 44; объяснение, предлагаемое им для отсутствия Афины, конечно совершенно не приемлемо); сюжет другого фронтона с изображением древнейшего Эрехфейона (см. Вл. К. Мальберг, ук. соч. 355 сл.) не поддается точному определению: наконец, сюжет третьего фронтона — «Введение Геракла на Олимп» (Мальберг, ук. соч. 359 сл.).

² Шрадер склонен иметь в виду начальные годы этой половины, другие ученые — конечные ее годы. См. Мальберг, ук. соч. 74 сл.

не на акрополе, а в нижнем городе, и рассеянной также по всей Аттике. Во всей своей политике Писистрат старался опираться, главным образом, на народную массу. Поэтому и в Афины его возвращает богиня, любимица ее. В устроенном им маскараде Писистрат обращается за содействием не к какому-либо божеству аристократических Афин, но к богине Афин, уже воспринявшим демократические элементы. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что и культ Афины должен был зародиться в Афинах не на акрополе, который, до установления в Афинах демократического строя, был средоточием и опорой аристократии.

Здесь мы должны снова припомнить хорошо известные факты древнейшей истории Афин и Аттики. Последовавшая, за объединением Аттики на основах синаклизма, эпоха монархического и аристократического строя известна нам лишь в самых общих чертах, и лишь с VII в. мы вступаем в более светлую полосу аттической истории, в которой можно уловить некоторые вполне уже определенные черты. Первоначально земледельческое государство, Аттика постепенно становится государством торгово-промышленным и уже в VIII в. вступает в торговый обмен своими товарами с государствами, расположенными в бассейне Средиземного моря. Аттика была богата залежами прекрасной глины, и с VII в. в ней развивается обширная керамическая промышленность, главным центром которой становятся Афины. В городе, в северо-западной его части, селятся специалисты-горшечники, гончары, давшие этому кварталу и свое имя (Κεραμεικός). Несомненно, в своей массе, продукты керамической промышленности служили для экспорта в них оливкового масла. Таким образом, очевидно, уже в VII в. культура оливок достигла в Аттике настолько широкого развития, что излишек масла оказалось возможным вывозить в большом количестве за пределы страны. Последствием этого изменения хозяйственного уклада страны было выступление на первый план низших сословий, мелких крестьян и батраков, равно как и ремесленного и торгово-промышленного класса, что вызвало, как известно, сословную борьбу. Демос и количественно превосходивший аристократию и качественно выросший в своем самосознании, добивается постепенных успехов, следить за которыми не входит в мои планы.

Преобразование Афин, ставших правительственным и промышленным центром, в столицу Аттики должно было, естественно, способствовать увеличению народонаселения, что в свою очередь, должно было повести и к росту города. К старинным кварталам, охватывавшим преимущественно южный и западный склоны акрополя, прибавились теперь кварталы у северного и восточного его склонов. Разросшийся город получил, мы не знаем точно когда, наименование ἄστυ, в противоположность к рассеянным по

стране многочисленным селениям¹. Прежнее название πόλις стало служить, как указано выше, для обозначения акрополя.

Общий ход развития Афинского государства свидетельствует о его последовательной демократизации. Последняя же явилась, несомненно, результатом столь же постепенного превращения афинского государства из государства земледельческого в государство торгово-промышленное. Этот процесс протекал в течение VII в., начавшись, вероятно, еще в предыдущем; к началу VI в., ко времени реформы Солона, процесс этот можно считать, в основных чертах, почти уже завершившимся. В пользу этого говорит весь характер Солоновой реформы и Солоновой конституции. Солон оказывал явное покровительство торгово-промышленному классу, так как усматривал в нем главную опору своим начинаниям и планам. Плутарх (Солон, 24) сообщает, что в числе законодательных распоряжений Солона было и такое, в силу которого право гражданства давалось иноземцам только в том случае, если они переселялись со своими семьями в Афины для занятий каким-либо ремеслом (*πανεστίοις Ἀθήναζε μεταμιζομένοις ἐπὶ τέχνῃ*). Это, по мнению Солона, должно было привлечь в Афины ремесленников. И, конечно, эта мера Солона должна была содействовать тому, что в Афины стало стекаться много иноземцев ремесленников. Вероятно, Солон закрепил своим законом то, что практиковалось уже до него: ибо с тех пор, как Афины перешли от земледельческого быта к промышленному, в них должны были появиться и ремесленники из-за границы. Но откуда? Ясное дело, из тех центров, где промышленность особенно сильно процветала. А такими центрами до V в. были ионийские города в Малой Азии, на островах Архипелага и Коринф в собственной Греции. Если Коринф оказал, повидимому, сравнительно незначительное влияние на аттическую художественную промышленность, то раскопки на афинском акрополе воочию показали, как велико было влияние на аттических гончаров ионийской художественной промышленности, ионийского искусства вообще². И вряд ли есть повода сомневаться в том, что в Керамике, наряду с аттическими уроженцами, работало также не мало мастеров, переселившихся в Афины из разных мест, где процветала ионийская культура.

Известно, что вместе с людьми переселяются также и боги. Ученые справедливо полагают, что, вероятно, уже в результате синакризма в Афины нашли себе доступ культы Элевсинской богини из Элевсина, Деметры из Элевфер, Артемиды из Браврона, Ἀναχης из Афидны; быть может, тогда же принят был культ Аполлона Отеческого (Πατρῶος), объединявшего все аттиче-

¹ Может быть, название ἄστυ укоренилось уже во второй половине VI в. См. Judeich, Topographie, 57⁶.

² См. Michaelis, Altattische Kunst, Strassburg 1893, 9 сл.; Павловский, ук. соч., 300 сл.

ские роды и пр.¹ Но когда речь заходит об Афинах, оказывается, культ ее и во всей Аттике, и в Афинах, и в частности на акрополе был исконным².

Так ли это на самом деле? Какие указания мы можем привести в пользу исконного культа Афины в Афинах? Их мы не найдем, во всяком случае, ни в гомеровской эпохе, ни в героической саге, где образ Афины наделен совершенно иными чертами, чем какие он имеет в наших известиях о культе Афины в Аттике. «У Гомера Афина выступает пред нами, преимущественно, как заступница героев, в Илиаде в боевой свалке среди сражающихся; в Одиссее она скорее покровительствует, как дружелюбная фея, своим любимцам при всех случаях жизни³; отношения Афины к мирной гражданской жизни отступают в героическую эпоху на задний план, хотя и отмечаются в отдельных случаях»⁴.

Какими чертами наделен образ Афины в ее афинском культе в древнейшей стадии его развития?⁵ Об акропольском культе Афины была речь выше. Из гомеровских упоминаний о нем ясно следует тесное соотношение между ним и культом Эрехфея. Для древнейшей эпохи я склонен даже отдать предпочтение культу Эрехфея перед культом Афины, и слова Одиссея, что Афина «вошла в прочный дом Эрехфея» я могу понять только как указание на приоритет культа Эрехфея на акрополе. Если бы в пору создания той части Одиссея, где эти слова стоят, Афина царила на акрополе так же мощно, как она царила на нем в последующее время, поэту не для чего было бы заставлять Афины искать себе пристанища в «прочном доме» Эрехфея (не в гости же она к нему пришла?); она «погрузилась» (δύνη) в дом Эрехфея, очевидно, потому, что собственного дома у нее на акрополе не было. Потом Афина стала владычицей акрополя, Афиной Πολιούχος (позже Полиадой), именно акрополя, если принять во внимание терминологию πόλις = ἄχρὸπόλις. Но власть Афины на акрополе далась ей не без труда, во всяком случае, не без спора с прежним властителем акрополя, Эрехфеем. Об этом красноречиво говорит предание о споре Афины с Посидоном-Эрехфеем. Обыкновенно указывают, что спор шел из-за обладания Аттикою, но, пожалуй, точнее было бы сказать, из-за обладания акрополем, как политическим центром Аттики. Если бы спор шел из-за обладания Аттикою, Афине

¹ Judsich, Topographie, 57 сл.

² Dümmler у Pauly-Wissowa, RE, II, 1950.

³ Там же, 1943.

⁴ Там же, 1944.

⁵ За материалом и литературой отсылаю к ук. ст. Дюммлера, 1950 сл., приводя только главные указания. Дюммлер правильно замечает, что как об афинском культе Афины, так о культе ее в Аттике до нас дошли только обрывки сведений, и притом из сравнительно позднего времени, которые стали собирать с VI века, когда «аттические культы, под первенством Афин, организовались и, по возможности, были сглажены».

пришлось бы спорить не только с Посидоном-Эреxfеем, но и другими божествами, хотя бы, например, с Артемидою Бравропскою, Элевсинскими богинями, чтобы указать на те только божества, местные культы которых в Аттике пользовались большим значением и с отдаленных времен. И благодаря чему Афина одерживает перевес в споре с Посидоном-Эреxfеем? Она производит маслину, *ἀστὴ ἐλαία* (Poll. IX, 17. Eustath. ad Od. I, 4. Hesych. s. v.), символ того продукта природы, на культуре которого основано было, по крайней мере, в древнюю пору Афин, благосостояние их населения. Если не признавать обозначение маслины *ἀστὴ* случайным — а на это, мне кажется, мы не имеем права — то возникновение легенды о споре следует отнести к тому времени, когда создалось понятие *ἄστυ*, в противоположность к понятию *πόλις* = *ἀχρόπολις*. А в таком случае самая легенда о споре получает глубокий исторический смысл спора между демосом, т. е. нижними и средними слоями афинского населения, обитавшего в низшем городе, и аристократией, высшим слоем афинского населения, державшим в своих руках акрополь, как политический центр. Победа Афины над Посидоном-Эреxfеем¹ знаменует собою тот момент в истории Афин, когда аристократия должна была пойти на уступки в пользу демоса, когда стала зарождаться афинская демократия. А это зарождение нужно отнести к VIII—VII в.² После долгой борьбы и взаимных уступок и афинская аристократия и афинский демос слились в один демос. И это слияние нашло себе показательное выражение в объединении культов Афины и Посидона-Эреxfея в Эреxfейоне, где под одной кровлею, хотя и разделенные непроницаемой стеной, нашло себе место культы и Афины Полнады и Эреxfея, где показывали и реликвии спора между обоими божествами, и священную маслину, и знак, оставшийся от удара трезубцем Посидона, и в округе которого помещалась, может быть, могила Кекропа и, несомненно, святилище дочери Кекропа, Пандросы (см. Judeich, Topographie, 251 сл.)³.

¹ Кстати отметить, что соляной источник, произведенный Посидоном в акропольской скале, называется *θάλασσα Ἐρεxfείης*.

² Тот вариант легенды, по которому Посидон произвел не источник, а коня, засвидетельствован лишь в поздней традиции (см. Dümmler, ук. ст., 1951); но даже если это случайность, объяснимая неполностью дошедшей до нас традиции, то и коня, произведенный Посидоном, не утрачивает, в наших глазах, значения: ведь коня, обладание конем, в древнейшую эпоху греческой жизни — отличительный признак аристократии.

³ Эреxfейон построен был, как известно, взамен погибшего в 480 г. Писистратовского Гекатомпеда, который объединял в себе также культы Афины и Эреxfея. На это указывает и характерный план храма (см. Judeich, ук. соч., 241, рис. 30), в котором было две целлы, отделенные еще двумя помещениями, причем трудно решить, какая из целл была посвящена Афине, какая Эреxfею. Дюммлер, ук. ст. 1953, сомневается, что Гекатомпед был двойной храм, посвященный культу Афины и Эреxfея. Он рассуждает так: Эреxfей, являющийся в «Каталоге кораблей» воспитанником Афины, не тот Эреxfей, который спорит с Афиною, и не мог пылеснить последнего, хотя, возможно, тирания и преследовала уже централистические тен-

Предыдущие соображения приводят нас к заключению, что до создания Парфенона, посвященного уже исключительно культу Афины, как покровительницы всего Афинского государства, более того всей Афинской державы, Афина разделяла на акрополе свой культ с Эрехфеем, точнее было бы сказать с тем божеством мужского пола, которое, очевидно, еще с микенской эпохи почиталось на акрополе и в котором позже воплотился образ цари Эрехфея. слывшийся в свою очередь, и еще позднее, с образом Посидона. Не искони почиталась Афина на акрополе; она нашла себе место там лишь с тех пор, как доступ к акрополю, как политическому центру Афин и всей Аттики, открыт был для зарождавшейся афинской демократии. Зарождалась же эта демократия в нижнем городе, в тех слоях афинского населения, которые представляли собою его промышленные классы. У Павсания (I, 24, 3) сохранилась заметка, что «первые афиняне прозвали Афины Эрганою» (Ἐργάνη). Ученые с недоверием относятся к этой заметке, указывая на то, что культ Афины Эрганы распространен был повсюду в Греции и что никто другой не сообщает, будто бы этот культ впервые возник в Афинах. Последнее соображение, конечно, иметь значения не может, да и повсеместное распространение культа Афины Эрганы тоже вряд ли много что доказывает. Поэтому, относиться с принципиальным недоверием к заметке Павсания вряд ли основательно. Гораздо существеннее отметить, что культ Афины Эрганы, появи-

денции. Но, заметим мы, если упоминание об Афинах в «Каталоге кораблей» явилось в результате работ Писистратовской редакции, то вполне понятно, что Афина является здесь воспитательницей Эрехфея; стоит вспомнить отношение Писистрата к культу Афины. Если приведенные выше соображения о первоначальном характере культа Афины заслуживают внимания, то станет понятным, почему Писистрат, опиравшийся в своих стремлениях на сочувствие и поддержку, прежде всего, демоса, народной массы, заставляет именно Афины возвращать его, Писистрата, в город. Но что в сознании афинян и после того, как Гекатомпед принял в свои стены культ Афины, остался, по прежнему, храмом Эрехфея по преимуществу, доказывает, на мой взгляд, свидетельство Геродота. В 480 г., при наступлении персов на акрополь, находившийся там гарнизон частью стал бросаться вниз со стены, другие «стали убегать в чертог» (ἐς τὸ μέγαρον, VIII, 53) под которым, естественнее всего, разуметь тот царский дворец, остатки которого открыты на акрополе и который в Одиссее называется «прочным домом» Эрехфея (по Дюмлеру, Геродотовский μέγαρον — цела Афины в Гекатомпед; но, спрашивается, почему в таком случае Геродот употребил такой термин, как μέγαρον. Под τὸ ἱερόν, — упоминаемым в конце той же главы, следует, повидимому, понимать упомянутое ранее ἱερόν Аглауры). Упомянув о взятии Афин, Геродот (VIII, 54) рассказывает, что Ксеркс приказал афинским изгнанникам, следовавшим за его войском, взойти на акрополь и там, по своему обряду, принести жертву; он приказал это, добавляет Геродот от себя, или потому, что видел во сне какой-нибудь призрак, или потому что сожжение святыни (τὸ ἱερόν) смущало его душу, и далее продолжает: «на акрополе есть храм Эрехфея» (Ἐρεχθέος νηός, VIII, 55) и пр. Дюмлер, ук. ст. 1953, путем натянутого толкования слов Геродота старается доказать, что до Персидских войн, вероятно, в непосредственной близости к царскому дворцу на акрополе было два храма: один — Эрехфея, другой — Афины, на месте древнего мегарона; что этот последний храм и был перестроен Писистратом. Долго было бы останавливаться и на искусственном толковании свидетельства Геродота у Petersen'a, ук. соч., 11 сл.

димому, пользовался особым распространением в рабоче-промышленном квартале Афин, в Керамике. От VI—V вв. сохранился ряд посвященных надписей, найденных при раскопках на акрополе, в честь Афины, причем посвященными оказываются как раз представители различных рабоче-промышленных профессий: валяльщики, плотники, гончары, кожевники, булочницы, прачки и пр.¹. Ученые думают, что в VI веке отдельного культа Афины Эрганы еще не существовало. Вполне допустимо, что культы таких Афин, как Афина Демократия, Афина Эргана, Афина Гигнея, Афина Ница. Афина Фемида—более поздние образования. Но что Афина в Афинах была богиней-покровительницей ремесленников, трудящегося класса вообще, свидетельствует отрывок 760 N из неизвестной трагедии Софокла, где поэт восклицает (перевод Ф. Ф. Зелинского):

Теперь ступайте, весь рабочий люд (πᾶς ὁ χειρῶναξ λεώς),
 Что грознолицой дочери Зевеса
 Эргане молитесь,—и за станками
 Стопнились, и под удары млата
 В глухую тяжесть грозной наковальни,
 Все, что рукой своей над веществом
 Безчувственным орудовали².

За это же говорит и акропольский архаический рельеф (VI века), изданный Perdrizet (Melanges Perrot, Paris 1903, 260) и объяснимый им сюжет его, как посещение Афиною какого-то ремесленника (гравера, или ювелира?), и приводимые Perdrizet (там же, 260) картины на аттических вазах, на которых изображается посещение Афиною мастерской гончаров.

Не исключена возможность поэтому, что именно в ремесленном квартале Афин и зародился впервые культ Афины, как покровительницы всякого

¹ См. Lolling, *Κατάλογος τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐπιγραφικοῦ Μουσείου I*, Ἐπιγραφαὶ ἐκ τῆς Ἀκροπόλεως I. Ἀρχαῖαι ἀναθηματικαὶ ἐπιγραφαί, ἐν Ἀθήναις 1899, № № XXXVI: (κναφεύς). XLIV (ἰρτοπόλ [ις]). 14 (πλόντρια). 32 (Νέαρχος... [κεραμεύς]). 85 (Ευφρόνιος... κεραμεύς). 144 (Εὐ[ένωρ]... κερ[αμεύς]). 184 (κερ[αμεύς]). 200 (κναφεύς). 202 (σκυλοδέτρες). Более поздние посвященные надписи, найденные в различных пунктах Афин, в честь Эрганы см. у Judeich' в *Torographe*, 209¹⁴). 253 (τέκτον). ср. 375 (Πολυχαινος ἢ Μνέσσος τῷ [κνα]φέος). 79 (Δίφιλος ἐκ Κεραμείων). 119... Ἀ]χαρνέος θυγατήρ] Ἀθηναία Ἐργάνη ἀνέθηκεν. Дрипфельд отрицает существование особого святилища Афины Эрганы на акрополе, другие принимают его. См. Judeich, ук. м.

² Перевод стихов 4—6 дан по восстановлению, предложенному Г. Германом и построенному им на основании Plut. Praes. ger. teipubl. 5, 8 p. 802 В: τὴν γὰρ Ἐργάνην οὗτος μόνον (μόνοι?) θεραπεύουσιν, ὡς φησὶν Σοφοκλῆς, οἱ πᾶρ ἄκμονι τυπάδι βαρεῖα καὶ πληγαῖς ὑπακούουσαν ὕλην ἄψυχον δημιουργοῦντες. Это свидетельство подтверждает вышеуказанное замечание Павсания. Ср. Diod. V, 73, 7. 8: Ἀθηναῖοι προσάπτουσι τὴν τε τῶν ἐλαίας ἡμέρωσιν καὶ φυτεῖαν παραδούνασι τοῖς ἀνθρώποις καὶ τὴν τοῦ καρποῦ τούτου κατεργασίαν... πρὸς δὲ τούτοις τὴν τῆς ἐσθῆτος κατασκευὴν καὶ τὴν τεκτονικὴν τέχνην... εὐρεῖν δὲ... καὶ τὸ σύνολον πολλὰ τῶν φιλοτέχνων ἔργων, ἀφ' ὧν Ἐργάνην αὐτὴν προσαγορεύεσθαι.

рода τέχνη, производств. Что Афина почиталась как таковая, об этом свидетельствует и близкое отношение к мифу об ее рождении Гефеста и Прометея. В соседней с Керамиком Академия Афина имела общий культ с обоими этими божествами. Здесь, от общего алтаря Гефеста и Прометея начинался бег с факелами во время празднования Прометеей и Гефестий. В Академии показывали вторую священную маслину, выросшую из земли или — позднее — 12 древнейших μέρια. Во внутреннем Керамике, в так называемом Фесейоне, статуя Афины стояла рядом со статуей Гефеста¹. Наконец, известно, что в Афинах Афина почиталась как 'Αθήνα 'Ηφαιστία².

«Ни одно греческое божество не срослось так со своим народом как Афина со своим» (Дюмлер). Совершенно верное соображение, если иметь в виду Афины и Афину, начиная с VII—VI века. Но было ли так исконно, это еще большой вопрос, если приведенные выше указания не совсем беспочвенны. Определить точно, когда и откуда пришел в Афины культ Афины мы, конечно, не в состоянии, потому что достоверной древнейшей истории Афин мы не знаем. Тут возможны только общие соображения, основанные отчасти на тех более или менее твердых точках опоры, которые уже удалось установить для древнейшего периода истории Аттики, отчасти на тех, которые приведены и разобраны выше.

Если признавать Афину исконным божеством Афин и Аттики вообще, то, чтобы быть последовательным, необходимо поверить и в предание об автохтонности населения Аттики. Но вряд ли кто будет отстаивать теперь автохтонность афинян. Можно считать прочно установленным тот факт, что население Аттики исторической эпохи включало в себе два основных слоя, более древний, «пеласгический» и более поздний, «ионийский»³. «Ионийцы», прибыв в Аттику, смешались с «пеласгами» и образовали с ними одно целое. Национальность «пеласгов» мы определить не можем, но что они принадлежали к тому же народу, который был носителем Микенской культуры, это трудно было бы оспаривать⁴. Народ этот был культурным народом. В числе прочих достояний его были, разумеется, и те или иные религиозные верования и представления, установить которые мы еще не в состоянии. Я склонен думать, что в числе божеств, почитаемых аттическими «пеласгами», была и та богиня, ἡ θεός, с которою впоследствии была отождествлена Афина, прибывшая в Аттику вместе с переселившимися туда

¹ Указания древних см. у Дюмлера, ук. ст. 1967.

² Judeich, Topographie, 326, прим 5.

³ Возражения против Эд. Мейера, отрицающего «пеласгический» элемент в Аттике, см. у Judeich'a, Attika, 2209 сл.

⁴ См. Judeich, Attika, 2210.

«понийцами». Нужно обратить внимание на то, что культ Афины, очевидно, уже в древнейшую эпоху сосредоточен был в различных пунктах Аттики. В пользу этого говорит существование и в историческое время многочисленных особых культов Афины на ее территории (см. Farnell, Cults, I, 419).

Несомненно и то, что «пеласги» занимали, главным образом, акрополь и те части нижнего города, о которых говорит Фукидид. Переселившиеся «понийцы» заняли, вероятно, прежде всего, пеласгические «пеласгамы» части как Аттики, так и Афин; но потом они должны были проникнуть и в места, искони занятые «пеласгами», и смешаться с ними. Думается, что, как пришлому населению, «понийцам» позже всего удалось расселиться и на акрополе, который, может быть, в течение немалого промежутка времени, оставался «пеласгическим». На это предположение наводит такое соображение, что древнейшие укрепления Афин носили название *Πελασγικὸν τεῖχος*. И аналогично с другими местами, где процветала Микенская культура, и аттические предания, и, наконец, априорные соображения говорят за то, что посетителями власти в Афинах в микенскую эпоху были «цари». И переселившиеся «понийцы» пришли в Аттику, разумеется, со своими «царями», которые, надо полагать, «царствовали» в тех местах Аттики, где они со своими подданными осели; в пользу этого говорит состоявшееся в Аттике до синэкизма¹. Но в самих Афинах, на акрополе, царствовали, вероятно, «пеласгические» цари. В числе этих «пеласгических» царей были и те, которых впоследствии аттическая традиция окрестила именами Кекропа и Эреклея, и которые были огеронизованы. Богиней, покровительницей «пеласгических» царей, была *ἡ θεός*.

С течением времени, постепенно, «пеласгический» элемент должен был, с одной стороны, вымирать, с другой — поглощаться понийским элементом и сливаться с ним². Но память о «пеласгическом» элементе продолжала жить в народном сознании. И эти пережитки нашли свое отражение, между прочим, и в огеронизовании «пеласгических» царей, культ которых сосредоточился на акрополе (в особенности культ Эреклея), и в продолжавшемся, в течение ряда веков, культе богини, *ἡ θεός*, которую мы можем назвать «пеласгической» богиней, пока образ ее не слился окончательно с «понийской» Афиной. Что Афина — по преимуществу понийская богиня, не требует, мне думается, особых доказательств, если вспомнить, какую роль она играет в самом пышном и долговечном создании понийской культуры —

¹ Образы таких переселившихся понийских «царей» предание окрестило именами Эгея и Фесей; к числу их принадлежит и Ион, являющийся, по Аристотелю (*Ἠθ. пол.* 41, 2, ср. fr. 1) основателем Афинского государства.

² Judeich, *Attika*, 2213, правильно замечает, что поселение понийцев в Аттику произошло мирным путем.

понтийском эпосе¹. Когда образ «пеласгической» богини слился с Афиной, получилась «Афинская богиня», ἡ Ἀθηναία θεός, а затем просто Ἀθηναία, древнейшее наименование Афины в Афинах.

Самый процесс слияния «пеласгической» ἡ θεός с Афиной и превращения первой в «Афинскую богиню», Ἀθηναία, вне исторического поля зрения. Из приведенного выше места Одиссея как будто выходит, что в период так наз. греческого средневековья Афина пользуется культом, преимущественно, в нижнем городе, не на Акрополе, где царят еще «пеласгические» традиции. Новый расцвет культ Афины приобретает в то время, когда эти традиции мало по малу вытесняются, и на их место выдвигаются, может быть, под влиянием нового расцвета понтийской культуры, традиции понтийские, когда начинает громко заявлять о себе афинский demos. Тогда «Афинская богиня» становится уже Афиной Πολιούχος, т. е. Афиной владычицею πόλις'а = акрополя. VI век, в частности эпоха Писистрата, время полного торжества культа Афины и на акрополе и в нижнем городе. V век, эпоха Афинской ἀρχή, — время, когда Афина царит в Афинах. Лучшим и самым наглядным олицетворением этого царства Афины является Парфенон и его фронтошные изваяния, в которых гений Фидия сумел выбрать два наиболее важных момента из мифа об Афине — ее рождение и получение ею власти над Аттикою. Если сюжет «Рождение Афины» взят был из общей сокровищницы греческих преданий об Афине и связывал ее с общегреческим олимпийским пантеоном², то другой сюжет — «спор» — имел уже чисто местное значение и символизировал собою такое время, когда власть Афины над Аттикою и над Афинами оспаривали, или, скорее, эту власть с Афиной разделяли, первоначальные обитатели Афин и Аттики, «пеласги». И память о совместном властвовании «пеласгов» и «понтийцев» нашла себе выражение в совместном культе Афины и Посидона Эрехфея в Эрехфеоне.

Возвращаемся, в заключение, к тому вопросу, который послужил точкою отправления для настоящей работы: о взаимоотношении Афины и Афин. Если согласятся с тем, что в микенскую эпоху, когда на территории, где впоследствии выросли Афины, господствовали одни «пеласги», почиталась

¹ Dümmler, ук. ст., 1918, справедливо указывает на необходимость попытаться «das homerische Bild der Göttin durch die Analyse der Sagen, der Kulturverbindungen, der Attribute und Beinamen zu vervollständigen und nach Möglichkeit Kern und Fortentwicklung der Göttervorstellung zu unterscheiden»; но если Дюммлер утверждает, что «das Epos hat sie (Афину) jedenfalls vorgefunden, nicht erst zur Herrschaft gebracht», то он недостаточно оценивает ту основу, или те основы, на которых эпос покоится.

² По замечанию Dümmler'а, ук. ст. 1985, сказание о рождении Афины принадлежит к числу древнейших и наиболее распространенных греческих сказаний. Другим «панэллинским» преданием, относящимся к Афине, признается ее участие в гигантомахии; из нее, вспомним, взят сюжет фронтона Писистратовского храма

«богиня», ἡ θεός, то, разумеется, город не назывался тогда Афинами, а именовался просто «городом», охватывая собою акрополь и южные (в широком смысле) его склоны. Это подтверждается и свидетельством Фукидида и тем соображением, что в Илиаде, отражающей в себе, в значительной степени, реминисценции микенской эпохи, упоминания об Афинах нет («Каталог кораблей» в счет итги, конечно, не должен). В Одиссее сказано, что Афина приходит, чрез Марафон, в Афину и погружается в «прочный дом» Эрефея. Если переложить это указание в историческую обстановку, то оно могло бы обозначать: Афина, вместе с переселившимся в Аттику «ионийцами», приходит, очевидно с востока, из области распространения ионийской культуры, в Марафон, т. е. на восточное побережье Аттики, оттуда направляется в Афины и там находит свое местопребывание в «доме Эрефея». Если под этим домом нужно разуместь город = акрополь «пеласгов», то под «Афиною» приходится, естественнее всего, понимать древнейшую территорию нижнего города, т. е. ту часть его которая расположена была у южных склопов акрополя. При Клизфеновой реформе эта часть, как известно, составила триггтию *Κυδαθηναίης*, состоявшую, повидимому, из одного только дема *Κυδαθηναίων*. «Афинская слава» — многозначущее название! ¹ И не служит ли оно подтверждением той мысли, что в древнейшую пору на месте Кидатиния расположена была именно «Афина», куда впервые вступила богиня Афина при водворении ее в будущих Афинах? Если главное их средоточие, акрополь, носил в пору седой старины просто обозначение «города», то, быть может, не имела особого названия та часть города, которая была расположена под акрополем и составляла с ним одно целое. Но если такое название и существовало, оно должно было затухнуть после того, как в Афины вошла Афина. Она, разумеется, дала свое имя городу, причем первоначально имя это распространялось не на весь город, а только на ту часть его, которая впервые восприняла культ богини. Постепенно культ распространялся, охватил и другие части города, утвердился на акрополе, и весь город стал называться Афинами.

Ответить на вопрос, почему городу, получившему свое имя от богини, его покровительницы, дано было название во множественном числе *Ἀθῆναι*, я не умею. Разрешение этого вопроса вряд ли возможно, если оставаться только на почве греческой ономастологии. Вопрос, думается, разъяснится, когда привлечен будет сравнительный этнолого-лингвистический материал.

С. Жебелев.

¹ Оно создано, конечно, в пору Клизфеновой организации Аттики и приурочено ad hoc. Характерна в нем и эпическая реминисценция (*κύδος*).